

ПРОЛТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

СИНТЕЗ ПОИСКА

№ 144
(1480)

Орган Министерства культуры СССР и Центрального Комитета профессионального союза работников культуры

Четверг, 29 ноября 1962 года

Цена 3 коп.

ТВОЙ ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ДОЛГ

ШЕРПЬ, когда говорят: идут часы истории, то имеют в виду именно те часы, которые высятся на Спасской башне Кремля. Пять дней, пока работал нольбринский Пленум ЦК КПСС, взоры трудящихся Советской страны, всего прогрессивного человечества были прикованы к Кремлю, где ленинский штаб нашей партии обсуждал доклад Н. С. Хрущева «Развитие экономики СССР и партийное руководство народным хозяйством».

Вспомнили слова поэта, образно назвавшего коммунистов смельчаками, вязящими на своих руках земной щар и подвигающими к солнцу, мы можем с удовлетворением сказать: теперь это движение к солнцу — светлому коммунистическому занятию — будет еще увереннее, еще стремительнее. Так восприняли решение Пленума советские люди, так оценила итоги его работы мировая общественность.

ГЛУБОКО ПОНИМАТЬ, к чему призывает нас партия, должен не только партийный и хозяйственный руководитель, но и любой труженик города и деревни. Работники культуры всегда несли слово партии в массы, выступали активными пропагандистами ее предшественников. Нет сомнения, что и сейчас они сделают все, чтобы идеи Пленума дошли до ума и сердца каждого советского человека. В наших руках разнообразные, много раз проверенные жизнью средства пропаганды — кино, радио и телевидение, книги и брошюры; неисчислимый арсенал фармийской и библиотечной деятельности — от большого тематического вечера, читательской конференции и до листка «Молния», призывающего равниться на успех передовых производств. Если эта атмосфера культуры будет приведена в действие, целиком направлена и разумно использована, партийные организации получат несомненную поддержку.

Партия и народ приступают к претворению в жизнь решений нольбринского Пленума. Большое дело предстоит и работникам культуры. Сейчас неизмеримо повышается роль культурных учреждений в борьбе за лучшую организацию труда на производстве, в пропаганде достижений науки и передового опыта. Мы не сидели сложа руки и раньше. У нас есть свои напоминания, есть ценный опыт. В Воронежской, Ленинградской и других областях, например, культураборотники наладили тесное сотрудничество с производственными колхозно-совхозными управлениями. Эти контакты дают хорошие плоды: лучше используются интересы производств сельскохозяйственные фильмы, действующие стада, лекционная пропаганда, решительные изажижаются отряды клубов и библиотек от жизни, элементы просветительства в их работе. Эти полезные начинания воронежцев, ленинградцев должны быть подхвачены во всех уголках страны.

Пленум, как известно, призвал партийные организации и всех трудящихся к непримиримой борьбе с отрицательными явлениями в нашей жизни, чуждыми природе социалистического строя. У культураборотников есть острое испытанное оружие борьбы против бюрократии, зачехлов, расхитителей народного достояния, агитаторов, лодырей, тунеядцев. Это агитбригады этого разного рода «колодочки», «ежи», «крокодилы», «окна сатиры», световые газеты, это, наконец, любительские кинофильмы, в которых находят место и элементы сатиры. Важно только, чтобы поменьше было пальм из пущен по воробьевым, истребительным налетам на исключеские несущественные мелочи; смените надо пытываться на чистую воду «героев» подреднее, тех, кто наносит нашему общему делу большую урон. Но всем тем, что названо, разумеется, не исчерпываются наши возможности.

Нольбринский Пленум дает органам культуры образец ленинского стиля работы. В деятельности министерств, управлений и отделов культуры есть много старого, отжившего: декларативности, канцелярской скучты, много бумаг и мало практического дела. Сотрудники этих учреждений нередко выступают в роли собирателей сведений и составителей объемистых справок, постановлений, приказов. На заседаниях и совещаниях (а их, кстати сказать, бывает гораздо больше, чем предусматривается планами) часто идет жонглирование цифрами, за которыми невозможно разглядеть существо дела. В результате на свет появляются документы, подобные тому, что производится на дниах в нашей газете. Работники Министерства культуры Ульяновской ССР подсчитали количество «мероприятий» не только единицами, а даже долями единиц. Вот до чего можно дойти в канцелярском усердии! «Нельзя складывать воробы и верблюда и считать это за две головы», — заметил на Пленуме Н. С. Хрущев. А у нас складывают. Принимают и тематическое венчуре танцев и представляют в отчетах как разнозначные ценности.

БОЛЬШЕ ВНИМАНИЕ в докладе Н. С. Хрущева было уделено вопросам культурно-бытового обслуживания трудящихся, строительству клубов. «Бюрократы, — говорил Н. С. Хрущев, — перестали строить клубы и культурно-бытовые учреждения даже там, где уже есть театры, клубы и где хотят еще построить». Их сказали: можно полождать годами. И другое дело на Колымском полуострове или в иных северных районах. Принесают сюда люди на работу, а здесь нет ни клуба, ни других культурно-бытовых учреждений. А бюрократы говорят — строить нельзя. Но разве это можно допускать? Поступать так — значит поступать глупо!».

Теперь можно быть уверенным, что в строительстве клубов будет наведен должный порядок: строятся предприятия, строятся и культурно-бытовые учреждения. Но это скорее дело времени. У культураборотников другая задача: сделать так, чтобы каждый строящийся и уже существующий клуб стал центром культурной жизни трудящихся, чтобы каждое его начинание обогащало людей новыми знаниями, помогало в жизни и труде, чтобы каждому в клубе было интересно, уютно, весело. А сколько у нас клубов, выступающих во всем своем могуществе только на бумаге! Вот, к примеру, в списках Министерства культуры Киргизской ССР значится государственный сельский клуб на территории совхоза «Оттук-Адыр». Но какую радость человеку может доставить посещение грязной, неуютной комнаты, где всю мебель и оборудование составляют четыре подломанных стула? Здесь нет наглой агитации, не проводится никакой работы, только изредка вечерами показываются кинофильмы.

Есть клубы побогаче, с архитектурными достоинствами и даже с позолотой на оборудовании, но и них не бывает ничего интересного. Долг работников культуры, общественности — образцово поставить деятельность каждого клуба (большого или малого, городского или сельского), превратить его в подлинную опорную базу партийной организации по коммунистическому воспитанию трудящихся.

НОЛЬБРИНСКИЙ ПЛЕНУМ с новой силой подчеркнул огромную роль народных масс в хозяйственном и культурном строительстве, разработал меры по расширению их участия в управлении предприятиями и стройками. К нам это имеет самое непосредственное отношение. Культурная работа ведется, можно сказать, миллионами энтузиастов для миллиона замечательных. Еще больше должны быть у нас народных библиотек, университетов культуры, театров, филармоний, клубов и музеев на общественных начальниках. Надо улучшать работу общественных советов, шире развивать художественную самоценность. Только опираясь на массовый общественный актив, учреждения культуры смогут выполнить большие и ответственные задачи, выдвинутые перед нами нольбринским Пленумом ЦК КПСС.

Пропаганда решений Пленума, борьба за претворение этих решений в жизнь — краинское дело каждого работника культуры, его высокий патриотический долг.

О СНОВА нашей эстетики — тезис новой программы КПСС: «В искусстве социалистического реализма, основанном на принципах народности и партийности, синтез новаторство в художественном изображении жизни сочетается с использованием всех прогрессивных традиций мировой культуры».

Это положение прямым образом связано с знаменитой ленинской формулой о новом революционном искусстве и задачах критического освоения классического наследия. В новых исторических условиях этот эстетический закон был проиллюстрирован с трибуны ХХI съезда и стал знаменем нашего наивысшего творчества, главным источником современной мысли об искусстве. Синтез новаторство только там, где и новаторство с принципами народности и народности, подлинного новаторства только там, где критически использованы прогрессивные традиции прошлого.

Наши искусства сейчас переживают один из самых значительных и плодотворных периодов своего развития. Если говорить о театральном искусстве, то таким этапным фактом является «Оптимистическая трагедия» в Ленинградском драматическом театре имени Пушкина Г. Товстоголовым. Этот спектакль и видел в Москве в тот вечер, когда его показывали делегаты ХХI съезда. Получалось так: театральное искусство, как бы выразившееся в стихийные нормы уходящей эпохи, вспыхнуло в плене чудного наименования «Актриса», поставленного в Ленинградском драматическом театре имени Пушкина Г. Товстоголовым. Этот спектакль и видел в Москве в тот вечер, когда его показывали делегаты ХХI съезда. Получалось так: театральное искусство, как бы выразившееся в стихийные нормы уходящей эпохи, вспыхнуло в плене чудного наименования «Актриса», поставленного в Ленинградском драматическом театре имени Пушкина Г. Товстоголовым. Этот спектакль и видел в Москве в тот вечер, когда его показывали делегаты ХХI съезда. Получалось так: театральное искусство, как бы выразившееся в стихийные нормы уходящей эпохи, вспыхнуло в плене чудного наименования «Актриса», поставленного в Ленинградском драматическом театре имени Пушкина Г. Товстоголовым. Этот спектакль и видел в Москве в тот вечер, когда его показывали делегаты ХХI съезда. Получалось так: театральное искусство, как бы выразившееся в стихийные нормы уходящей эпохи, вспыхнуло в плене чудного наименования «Актриса», поставленного в Ленинградском драматическом театре имени Пушкина Г. Товстоголовым. Этот спектакль и видел в Москве в тот вечер, когда его показывали делегаты ХХI съезда. Получалось так: театральное искусство, как бы выразившееся в стихийные нормы уходящей эпохи, вспыхнуло в плене чудного наименования «Актриса», поставленного в Ленинградском драматическом театре имени Пушкина Г. Товстоголовым. Этот спектакль и видел в Москве в тот вечер, когда его показывали делегаты ХХI съезда. Получалось так: театральное искусство, как бы выразившееся в стихийные нормы уходящей эпохи, вспыхнуло в плене чудного наименования «Актриса», поставленного в Ленинградском драматическом театре имени Пушкина Г. Товстоголовым. Этот спектакль и видел в Москве в тот вечер, когда его показывали делегаты ХХI съезда. Получалось так: театральное искусство, как бы выразившееся в стихийные нормы уходящей эпохи, вспыхнуло в плене чудного наименования «Актриса», поставленного в Ленинградском драматическом театре имени Пушкина Г. Товстоголовым. Этот спектакль и видел в Москве в тот вечер, когда его показывали делегаты ХХI съезда. Получалось так: театральное искусство, как бы выразившееся в стихийные нормы уходящей эпохи, вспыхнуло в плене чудного наименования «Актриса», поставленного в Ленинградском драматическом театре имени Пушкина Г. Товстоголовым. Этот спектакль и видел в Москве в тот вечер, когда его показывали делегаты ХХI съезда. Получалось так: театральное искусство, как бы выразившееся в стихийные нормы уходящей эпохи, вспыхнуло в плене чудного наименования «Актриса», поставленного в Ленинградском драматическом театре имени Пушкина Г. Товстоголовым. Этот спектакль и видел в Москве в тот вечер, когда его показывали делегаты ХХI съезда. Получалось так: театральное искусство, как бы выразившееся в стихийные нормы уходящей эпохи, вспыхнуло в плене чудного наименования «Актриса», поставленного в Ленинградском драматическом театре имени Пушкина Г. Товстоголовым. Этот спектакль и видел в Москве в тот вечер, когда его показывали делегаты ХХI съезда. Получалось так: театральное искусство, как бы выразившееся в стихийные нормы уходящей эпохи, вспыхнуло в плене чудного наименования «Актриса», поставленного в Ленинградском драматическом театре имени Пушкина Г. Товстоголовым. Этот спектакль и видел в Москве в тот вечер, когда его показывали делегаты ХХI съезда. Получалось так: театральное искусство, как бы выразившееся в стихийные нормы уходящей эпохи, вспыхнуло в плене чудного наименования «Актриса», поставленного в Ленинградском драматическом театре имени Пушкина Г. Товстоголовым. Этот спектакль и видел в Москве в тот вечер, когда его показывали делегаты ХХI съезда. Получалось так: театральное искусство, как бы выразившееся в стихийные нормы уходящей эпохи, вспыхнуло в плене чудного наименования «Актриса», поставленного в Ленинградском драматическом театре имени Пушкина Г. Товстоголовым. Этот спектакль и видел в Москве в тот вечер, когда его показывали делегаты ХХI съезда. Получалось так: театральное искусство, как бы выразившееся в стихийные нормы уходящей эпохи, вспыхнуло в плене чудного наименования «Актриса», поставленного в Ленинградском драматическом театре имени Пушкина Г. Товстоголовым. Этот спектакль и видел в Москве в тот вечер, когда его показывали делегаты ХХI съезда. Получалось так: театральное искусство, как бы выразившееся в стихийные нормы уходящей эпохи, вспыхнуло в плене чудного наименования «Актриса», поставленного в Ленинградском драматическом театре имени Пушкина Г. Товстоголовым. Этот спектакль и видел в Москве в тот вечер, когда его показывали делегаты ХХI съезда. Получалось так: театральное искусство, как бы выразившееся в стихийные нормы уходящей эпохи, вспыхнуло в плене чудного наименования «Актриса», поставленного в Ленинградском драматическом театре имени Пушкина Г. Товстоголовым. Этот спектакль и видел в Москве в тот вечер, когда его показывали делегаты ХХI съезда. Получалось так: театральное искусство, как бы выразившееся в стихийные нормы уходящей эпохи, вспыхнуло в плене чудного наименования «Актриса», поставленного в Ленинградском драматическом театре имени Пушкина Г. Товстоголовым. Этот спектакль и видел в Москве в тот вечер, когда его показывали делегаты ХХI съезда. Получалось так: театральное искусство, как бы выразившееся в стихийные нормы уходящей эпохи, вспыхнуло в плене чудного наименования «Актриса», поставленного в Ленинградском драматическом театре имени Пушкина Г. Товстоголовым. Этот спектакль и видел в Москве в тот вечер, когда его показывали делегаты ХХI съезда. Получалось так: театральное искусство, как бы выразившееся в стихийные нормы уходящей эпохи, вспыхнуло в плене чудного наименования «Актриса», поставленного в Ленинградском драматическом театре имени Пушкина Г. Товстоголовым. Этот спектакль и видел в Москве в тот вечер, когда его показывали делегаты ХХI съезда. Получалось так: театральное искусство, как бы выразившееся в стихийные нормы уходящей эпохи, вспыхнуло в плене чудного наименования «Актриса», поставленного в Ленинградском драматическом театре имени Пушкина Г. Товстоголовым. Этот спектакль и видел в Москве в тот вечер, когда его показывали делегаты ХХI съезда. Получалось так: театральное искусство, как бы выразившееся в стихийные нормы уходящей эпохи, вспыхнуло в плене чудного наименования «Актриса», поставленного в Ленинградском драматическом театре имени Пушкина Г. Товстоголовым. Этот спектакль и видел в Москве в тот вечер, когда его показывали делегаты ХХI съезда. Получалось так: театральное искусство, как бы выразившееся в стихийные нормы уходящей эпохи, вспыхнуло в плене чудного наименования «Актриса», поставленного в Ленинградском драматическом театре имени Пушкина Г. Товстоголовым. Этот спектакль и видел в Москве в тот вечер, когда его показывали делегаты ХХI съезда. Получалось так: театральное искусство, как бы выразившееся в стихийные нормы уходящей эпохи, вспыхнуло в плене чудного наименования «Актриса», поставленного в Ленинградском драматическом театре имени Пушкина Г. Товстоголовым. Этот спектакль и видел в Москве в тот вечер, когда его показывали делегаты ХХI съезда. Получалось так: театральное искусство, как бы выразившееся в стихийные нормы уходящей эпохи, вспыхнуло в плене чудного наименования «Актриса», поставленного в Ленинградском драматическом театре имени Пушкина Г. Товстоголовым. Этот спектакль и видел в Москве в тот вечер, когда его показывали делегаты ХХI съезда. Получалось так: театральное искусство, как бы выразившееся в стихийные нормы уходящей эпохи, вспыхнуло в плене чудного наименования «Актриса», поставленного в Ленинградском драматическом театре имени Пушкина Г. Товстоголовым. Этот спектакль и видел в Москве в тот вечер, когда его показывали делегаты ХХI съезда. Получалось так: театральное искусство, как бы выразившееся в стихийные нормы уходящей эпохи, вспыхнуло в плене чудного наименования «Актриса», поставленного в Ленинградском драматическом театре имени Пушкина Г. Товстоголовым. Этот спектакль и видел в Москве в тот вечер, когда его показывали делегаты ХХI съезда. Получалось так: театральное искусство, как бы выразившееся в стихийные нормы уходящей эпохи, вспыхнуло в плене чудного наименования «Актриса», поставленного в Ленинградском драматическом театре имени Пушкина Г. Товстоголовым. Этот спектакль и видел в Москве в тот вечер, когда его показывали делегаты ХХI съезда. Получалось так: театральное искусство, как бы выразившееся в стихийные нормы уходящей эпохи, вспыхнуло в плене чудного наименования «Актриса», поставленного в Ленинградском драматическом театре имени Пушкина Г. Товстоголовым. Этот спектакль и видел в Москве в тот вечер, когда его показывали делегаты ХХI съезда. Получалось так: театральное искусство, как бы выразившееся в стихийные нормы уходящей эпохи, вспыхнуло в плене чудного наименования «Актриса», поставленного в Ленинградском драматическом театре имени Пушкина Г. Товстоголовым. Этот спектакль и видел в Москве в тот вечер, когда его показывали делегаты ХХI съезда. Получалось так: театральное искусство, как бы выразившееся в стихийные нормы уходящей эпохи, вспыхнуло в плене чудного наименования «Актриса», поставленного в Ленинградском драматическом театре имени Пушкина Г. Товстоголовым. Этот спектакль и видел в Москве в тот вечер, когда его показывали делегаты ХХI съезда. Получалось так: театральное искусство, как бы выразившееся в стихийные нормы уходящей эпохи, вспыхнуло в плене чудного наименования «Актриса», поставленного в Ленинградском драматическом театре имени Пушкина Г. Товстоголовым. Этот спектакль и видел в Москве в тот вечер, когда его показывали делегаты ХХI съезда. Получалось так: театральное искусство, как бы выразившееся в стихийные нормы уходящей эпохи, вспыхнуло в плене чудного наименования «Актриса», поставленного в Ленинградском драматическом театре имени Пушкина Г. Товстоголовым. Этот спектакль и видел в Москве в тот вечер, когда его показывали делегаты ХХI съезда. Получалось так: театральное искусство, как бы выразившееся в стихийные нормы уходящей эпохи, вспыхнуло в плене чудного наименования «Актриса», поставленного в Ленинградском драматическом театре имени Пушкина Г. Товстоголовым. Этот спектакль и видел в Москве в тот вечер, когда его показывали делегаты ХХI съезда. Получалось так: театральное искусство, как бы выразившееся в стихийные нормы уходящей эпохи, вспыхнуло в плене чудного наименования «Актриса», поставленного в Ленинградском драматическом театре имени Пушкина Г. Товстоголовым. Этот спектакль и видел в Москве в тот вечер, когда его показывали делегаты ХХI съезда. Получалось так: театральное искусство, как бы выразившееся в стихийные нормы уходящей эпохи, вспыхнуло в плене чудного наименования «Актриса», поставленного в Ленинградском драматическом театре имени Пушкина Г. Товстоголовым. Этот спектакль и видел в Москве в тот вечер, когда его показывали делегаты ХХI съезда. Получалось так: театральное искусство, как бы выразившееся в стихийные нормы уходящей эпохи, вспыхнуло в плене чудного наименования «Актриса», поставленного в Ленинградском драматическом театре имени Пушкина Г. Товстоголовым. Этот спектакль и видел в Москве в тот вечер, когда его показывали делегаты ХХI съезда. Получалось так: театральное искусство, как бы выразившееся в стихийные нормы уходящей эпохи, вспыхнуло в плене чудного наименования «Актриса», поставленного в Ленинградском драматическом театре имени Пушкина Г. Товстоголовым. Этот спектакль и видел в Москве в тот вечер, когда его показывали делегаты ХХI съезда. Получалось так: театральное искусство, как бы выразившееся в стихийные нормы уходящей эпохи, вспыхнуло в плене чудного наименования

«Может быть, нам следует продумать дополнительные меры по широкому привлечению трудящихся и контролю за действительностью предпринимательского личника, торговых учреждений, обслуживающих бытовые и культурные нужды населения», — говорил Н. С. Хрущев в докладе на ноябрьском Пленуме ЦК КПСС.

Общественный контроль — огромная сила. На

И ЭТО НОВОСТИ?

МЫ ПОЛУЧАЕМ много писем зрителей:

Бывают среди них и такие: «Ваше киножурнальные скучны. В прошлом году я смотрел кинофильмы о том, что в совхозе «Комбайнер» построили доменный зал типа «Квачки». А в этом году — снова зарисовки о том же совхозе и квачки...»

«У нас все профессии почетны, так почему же вы снимаете только людей определенных квалификаций профессий?»

Вступить в полемику с авторами этих писем — значит не признавать своих ошибок, определять штамп, скучу, серотину. Время стоит перед кинодокументалистами новые задачи. Эти задачи в свою очередь требуют новых выразительных средств, новых поисков. А наши киножурналы? Изменились ли они за эти годы? Увы! Чтобы не быть голословным,становлюсь на киножурнале «Проволка», который выпускает Куйбышевская студия.

Как правило, этот киножурнал состоит из 8 разных по метраже сюжетов, которые в общем-то правильны.

Новое, только новое, экранные — да это Куйбышевской киностудии. Даэзак в общем-то правильный. Но в практике...

В Сызрани был снят сюжет о том, что раньше работала выскочница маньши дир в пленках для комбайна; как сейчас когда придумали небольшое производство. Однако кинотехнология мало чем отличается от старой. Тема реации неинтересна.

На таких же уровнях был снят сюжет о текстовых ремнях на Ульяновском автозаводе.

Разве эта серьезная отношение к понятию нового, передового на производстве?

Эти сюжеты выдаются за этажи. А пока таким сюжетам и тому решению дается хорошая оценка: кинодокументалисты нечестно выискивают подобные темы и решения, появляются штампы. Часть в голове за сюжетами о новой технологии мы оставляем без внимания людям. На первом месте — машины, люди, животные. Например, в сюжете о том, как санины выращивают 2,000 сажен в год, зрители видят новые коромысла, саниники, санины. А где же человек творец и холдинг этого? Он — за кадром.

Мне кажется, настало время, когда большой и серьезный разговор о судьбах кинодокументариев не необходим.

И. ГОРОДЕЦКИЙ, оператор Куйбышевской студии кинодокументариста, корреспондентский пункт.

этой полосы мы публикуем письма и материалы наших читателей, в которых они берут под обстрел недостатки в службе быта и культурном обслуживании советских людей, злоупотребления в учреждениях культуры, рассказывают о том, как действуют культуры участники в реализации решений Пленума ЦК КПСС.

СВОЕМ ДОКЛАДЕ на ноябрьском Пленуме ЦК КПСС Н. С. Хрущев говорил об огромных резервах, которые мы еще далеко не полностью используем для ускорения технического прогресса производства, для увеличения выпуска продукции и улучшения ее качества.

И сейчас, в связи с решением Пленума, с особыми острой ощущают необходимость более эффективного внедрения в разработку новой технологии метода художественного конструирования.

РИЖСКИЙ ДИЗАЙНСТВОВАНИЙ ЗАВОД выпускает моторы, которые по своим техническим достоинствам на уровне

лучших мировых достижений этого класса двигателей. Однако при первом же взгляде на теории рижские конструкторы бросаются в глаза недостатки оформления дизеля, неподходящий внешний компоновки узлов. В экспериментальном цехе этого же предприятия имеется дизель, изготовленный в Чехословакии. Он уступает нашим в экономичности и по удельной мощности, однако превосходит краткоты отдельки, продуманность композиции.

Пример характерный. Латвийский союздорог выпускает много изделий и только некоторые из них удовлетворяют нас едином целесообразности и высокого художественного образа, яркости красок, высокими качествами отделки. Но всю страну славятся латвийские пассажирские электропоезда, магнитобусы, радиоприемники и радионы. Кроме отличных инженеров-конструкторов, в их создании принимали участие и художники. Немало лет труждаться на радиодизайне художники А. Кундинь, З. Бабичина и другие. Как правило, труд художников в конструкторской группе предопределяет успех работы коллектива. Опытные руководители это отлично знают. И все же до последнего времени на пути художников к конструкторским стояла была еще недавно немало преград.

Опровергнуть противников художественного конструирования не трудно. Ихность, равнодушие, примитивная жесткость — налицо. Нужно заставить их мыслить и работать по-новому. Новые позиции скептиков подвергаются непрерывному штурму — советские люди обзывают вонюю бекузинами, убогими, ненравившими внешними формами. По решению советского правительства в семи сопредседателями страны, в том числе и Латвийской, созданы сплошные художественно-конструкторские бирюзы. Задачи этой организации весьма обширны. Ее работники должны совместно с предпринимателями разработать новые изделия, изготовлять макеты и эталоны, обобщать и пропагандировать передовой опыт в области худож-

ствования.

ЭТО УТВЕРЖДЕНИЕ может называться странным. Ведь всем известны богатые народные традиции нашей республики в оформлении вещей, жизни.

Нам хочется сейчас перекинуть мост между прикладным искусством и тем неизбежным полем деятельности, которое предоставляет художнику на фабриках, заводах, в конструкторских бирюзах. Нам необходимо, чтобы художники, их знания, материала, чувство меры в обработке его, яркий вкус. К сожалению, до сих пор Союз художников Латвии, его правление никак не поощряло ху-

дожников-прикладников к переходу на работу в промышленность.

Позволю себе привести христо-матиную, но зато убедительную параллель.

В первое десятилетие Советской власти В. Маяковский вместе с художником А. Родченко отдали немало сил рекламе, сделали московский промышленный плакат знаменитым, поэзию, классический великий поэт и выдающиеся художники сумели найти новый по тому времени путь в трудном деле пропаганды театра. Кто из членов Союза художников Латвии может показать чем-либо подобным? Никто. Характерно, что один из лучших оформителей М. Карапетян, буквально преобразивший старый заводского редакционного труда, не является членом Союза художников.

Сколько лет он ушел на фронт. Возвращаясь с двумя орденами «Славы», не пропустив ни одной из орденских орденами другой ноги.

С тех пор прошло много лет. Библиотека, где он начал работать по возвращении, состояла тогда всего из нескольких десятков книг. А теперь их уже больше 12 тысяч. Появились во семьи передвижки. Они за 5-6 километров от станции Нигула не сетуют на Илью Власьевича, а тут стал портить свои ноги: на рельсах далеко не гибкие. Вот и теперь, когда он попросил мотоциклы. Но...

«Районная комиссия ВТЭК определила мне мотоциклом, а обрабо-беса отказала. А мне же нужно ездить в Тарту, чтобы помочь мне. А помощь от этого будет, к сожалению, в виде заварки».

Редакцию... воззвало это письмо. Написал его человек, который не хочет оставаться в стороне, который хочет отдать людям все свое смысли: всю свою энергию и энтузиазм...

И редакция обратилась в Томское областное управление культуры с просьбой помочь художнику.

«Извините меня, еще раз ре-шила побесоваться вас. Я все жду из облсовета вызова за пропаганду».

Членский отдел культуры, радиопромсвязь просили об услуге, и мне предложили привезти в Тарту граммофон. Я же не могу его привезти. Но и не могу его купить. У меня двое детей, больные...»

Ответа не было.

«Извините меня, еще раз ре-шила побесоваться вас. Я все жду из облсовета вызова за пропаганду».

Членский отдел культуры, радиопромсвязь просили об услуге, и мне предложили привезти в Тарту граммофон. Я же не могу его привезти. Но и не могу его купить. У меня двое детей, больные...»

И редакция обратилась в Томское областное управление культуры с просьбой помочь художнику.

«Извините меня, еще раз ре-шила побесоваться вас. Я все жду из облсовета вызова за пропаганду».

Членский отдел культуры, радиопромсвязь просили об услуге, и мне предложили привезти в Тарту граммофон. Я же не могу его привезти. Но и не могу его купить. У меня двое детей, больные...»

И редакция обратилась в Томское областное управление культуры с просьбой помочь художнику.

«Извините меня, еще раз ре-шила побесоваться вас. Я все жду из облсовета вызова за пропаганду».

Членский отдел культуры, радиопромсвязь просили об услуге, и мне предложили привезти в Тарту граммофон. Я же не могу его привезти. Но и не могу его купить. У меня двое детей, больные...»

И редакция обратилась в Томское областное управление культуры с просьбой помочь художнику.

«Извините меня, еще раз ре-шила побесоваться вас. Я все жду из облсовета вызова за пропаганду».

Членский отдел культуры, радиопромсвязь просили об услуге, и мне предложили привезти в Тарту граммофон. Я же не могу его привезти. Но и не могу его купить. У меня двое детей, больные...»

И редакция обратилась в Томское областное управление культуры с просьбой помочь художнику.

«Извините меня, еще раз ре-шила побесоваться вас. Я все жду из облсовета вызова за пропаганду».

Членский отдел культуры, радиопромсвязь просили об услуге, и мне предложили привезти в Тарту граммофон. Я же не могу его привезти. Но и не могу его купить. У меня двое детей, больные...»

И редакция обратилась в Томское областное управление культуры с просьбой помочь художнику.

«Извините меня, еще раз ре-шила побесоваться вас. Я все жду из облсовета вызова за пропаганду».

Членский отдел культуры, радиопромсвязь просили об услуге, и мне предложили привезти в Тарту граммофон. Я же не могу его привезти. Но и не могу его купить. У меня двое детей, больные...»

И редакция обратилась в Томское областное управление культуры с просьбой помочь художнику.

«Извините меня, еще раз ре-шила побесоваться вас. Я все жду из облсовета вызова за пропаганду».

Членский отдел культуры, радиопромсвязь просили об услуге, и мне предложили привезти в Тарту граммофон. Я же не могу его привезти. Но и не могу его купить. У меня двое детей, больные...»

И редакция обратилась в Томское областное управление культуры с просьбой помочь художнику.

«Извините меня, еще раз ре-шила побесоваться вас. Я все жду из облсовета вызова за пропаганду».

Членский отдел культуры, радиопромсвязь просили об услуге, и мне предложили привезти в Тарту граммофон. Я же не могу его привезти. Но и не могу его купить. У меня двое детей, больные...»

И редакция обратилась в Томское областное управление культуры с просьбой помочь художнику.

«Извините меня, еще раз ре-шила побесоваться вас. Я все жду из облсовета вызова за пропаганду».

Членский отдел культуры, радиопромсвязь просили об услуге, и мне предложили привезти в Тарту граммофон. Я же не могу его привезти. Но и не могу его купить. У меня двое детей, больные...»

И редакция обратилась в Томское областное управление культуры с просьбой помочь художнику.

«Извините меня, еще раз ре-шила побесоваться вас. Я все жду из облсовета вызова за пропаганду».

Членский отдел культуры, радиопромсвязь просили об услуге, и мне предложили привезти в Тарту граммофон. Я же не могу его привезти. Но и не могу его купить. У меня двое детей, больные...»

И редакция обратилась в Томское областное управление культуры с просьбой помочь художнику.

«Извините меня, еще раз ре-шила побесоваться вас. Я все жду из облсовета вызова за пропаганду».

Членский отдел культуры, радиопромсвязь просили об услуге, и мне предложили привезти в Тарту граммофон. Я же не могу его привезти. Но и не могу его купить. У меня двое детей, больные...»

И редакция обратилась в Томское областное управление культуры с просьбой помочь художнику.

«Извините меня, еще раз ре-шила побесоваться вас. Я все жду из облсовета вызова за пропаганду».

Членский отдел культуры, радиопромсвязь просили об услуге, и мне предложили привезти в Тарту граммофон. Я же не могу его привезти. Но и не могу его купить. У меня двое детей, больные...»

И редакция обратилась в Томское областное управление культуры с просьбой помочь художнику.

«Извините меня, еще раз ре-шила побесоваться вас. Я все жду из облсовета вызова за пропаганду».

Членский отдел культуры, радиопромсвязь просили об услуге, и мне предложили привезти в Тарту граммофон. Я же не могу его привезти. Но и не могу его купить. У меня двое детей, больные...»

И редакция обратилась в Томское областное управление культуры с просьбой помочь художнику.

«Извините меня, еще раз ре-шила побесоваться вас. Я все жду из облсовета вызова за пропаганду».

Членский отдел культуры, радиопромсвязь просили об услуге, и мне предложили привезти в Тарту граммофон. Я же не могу его привезти. Но и не могу его купить. У меня двое детей, больные...»

И редакция обратилась в Томское областное управление культуры с просьбой помочь художнику.

«Извините меня, еще раз ре-шила побесоваться вас. Я все жду из облсовета вызова за пропаганду».

Членский отдел культуры, радиопромсвязь просили об услуге, и мне предложили привезти в Тарту граммофон. Я же не могу его привезти. Но и не могу его купить. У меня двое детей, больные...»

И редакция обратилась в Томское областное управление культуры с просьбой помочь художнику.

«Извините меня, еще раз ре-шила побесоваться вас. Я все жду из облсовета вызова за пропаганду».

Членский отдел культуры, радиопромсвязь просили об услуге, и мне предложили привезти в Тарту граммофон. Я же не могу его привезти. Но и не могу его купить. У меня двое детей, больные...»

И редакция обратилась в Томское областное управление культуры с просьбой помочь художнику.

«Извините меня, еще раз ре-шила побесоваться вас. Я все жду из облсовета вызова за пропаганду».

Членский отдел культуры, радиопромсвязь просили об услуге, и мне предложили привезти в Тарту граммофон. Я же не могу его привезти. Но и не могу его купить. У меня двое детей, больные...»

И редакция обратилась в Томское областное управление культуры с просьбой помочь

ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО

ЧЕРАЗАКОНИЛА свою работу научно-творческая конференция, посвященная традиции и новаторству в искусстве социалистического реализма. Вступительное слово Г. Бородинова (его статья, написанная на основе выступления на конференции, мы публикуем в сегодняшнем номере) и доклады Н. Дмитриевой и Ю. Коллинского были обсуждены в сессиях театра и кино, музыки, изобразительного искусства и архитектуры, а также на заключительном пленарном заседании.

В прениях выступили Н. Охлопков, Г. Товстогонов, С. Юльевич, А. Добротин (Боринеж), М. Роман Н. Петров, М. Строкин, П. Монастырский (Кубышев), А. Шатрин, С. Гинзбург, Е. Симонов, Б. Ростоцкий, А. Анастасьев, Р. Юремев, Б. Ярустовский, В. Серов и другие участники конференции.

В ближайших номерах газеты мы познакомим читателей с наиболее интересными выступлениями на конференции.

(Окончание. Начало на 1-й стр.). бессмыслице. Как забыть героя «Золотой улицы» в постановке МХАТа. Это что — современные химеры традиций! Самое главное достижение нашего искусства — полнота и богатство духовного мира нашего человека — было заменено героями-известниками стадионного парка. Так называемые «яды» образа, понимавшиеся романтически и дидактически, заставили собой живую натуру героя. Идея становилась не душой характера, а началом, сковывающим эмоциональную жизнь образа. Стоянская бесчувственность, показанная аксакатом переживания, внешняя монументальность, патетическая интонация — все это выделялось за нормы при изображении современного положительного героя. Живое начало противостояло лживым индивидуальным и выделялось за обобщение образа. Образ часто лицезрел психологическую конкретность, лирическую взаимовыножность, многообразие красок народного характера. И рядом с такимпередозависимым целиком-тепличным ящиком на сцене действовали массовидные простачки, решавшие в подчеркнутой бытовой манере. Расчет на бытовое правдоподобие, представление об однотипности форм реализма приводил к тому, что искусство почти снималось с себя обязанность поисков точного жанрового решения.

Но если губительная монополия

СИНТЕЗ ПОИСКА

МАЛЫМ, то так же губительно и интеллигентским отношением иных молодых художников к тому, что составляет историческую основу нашего искусства и что должно постоянно слушать как бы исходный моментом в дальнейшем развитии советского искусства. Известное положение В. И. Ленина о том, что не все хорошо, что ново, сохраняет, конечно, свою силу и сегодня. Ноэзма сама по себе не есть качество, когда она и применима, так как создает новые раздражители, вызывает элементарное любопытство. Особенно губительно, когда молодые художники, теряя творческие связи с родным искусством, идут в прямые ученики, становятся эпигонами болезненных темений зарубежного искусства. Вообще понятие эпигонство по отношению и так называемому новаторскому творчеству не так уж неожиданно.

Радиус новых сдвигов возможен во всех видах искусства, мы одновременно сдвигаемся и мгновенное порождение моды, трафаретных повторов тех приемов, которые были целесообразны в одном случае и являются мертванным реализмом в других: «Лицо автора», расщепленный герой, баседки с темами и поклонниками — все это стало в театре не манящим штампом, чем, скажем, традиционные формы внешне романтизированной игры.

Отрицательным моментом в поисках новаторских форм является и представление об однотипности форм новаторского искусства, в этом случае рождается то же самое предвзятое на монополию, с которой мы всегда применительно к эпигонам традиционизма в искусстве.

Величайшим преимуществом искусства социалистического реализма является то, что поиски нового позволяют совершенствовать художественные приемы по многим стилем русской культуры единого социалистического реализма. Наша законная требуга за состояние творчества Художественного театра говорит не о том, что мы считаем устаревшими самое наложение творчества этого театра. Требует исполнение позиций театра в его отставании своих позиций, его самоискусственности. И последние яркая победа театра — постановка пьесы «Милый лжец» — хороший симвал начавшегося подъема устремленного психологического искусства.

Новаторские поиски внутри линии психологического театра дают новые результаты на примере деятельности театра «Современник», который в короткие сроки стал одним из популярных коллективов столицы. Другое направление новаторских поисков отчетливо видно в деятельности Театра имени Е. Вах-

танова — сложные лирического и драматического начала, новые способы использования обнаженных форм театральности — все это яркие образы новаторства. Интереснейшим образом создания синтетического спектакля является «Медея», поставленная Н. Охлопковым. Новаторские черты отчетливо видны в сатирических постановках В. Плужника в руководстве им театра. Романтическим путем в поисках новых форм сценического искусства идет Б. Равенский, свободно интересующийся самобытностью линии творчества в Ленинграде Г. Товстогоновым.

Так что можно сказать, что нет некоего единого «современного» стиля, а есть многообразие новых поисков, форм, устремлений.

Это разнообразие определяется, во-первых, историей традиций данного направления театрального искусства: одно дело новаторские поиски Малого театра (сейчас мы с интересом видим новые результаты этих поисков), а другое дело новаторские поиски Охлопкова или Заведского. Во-вторых, своеобразие новаторских устремлений определяется интересом художников к определенной стороне действительности, ее более общему обзыву или углубленному интересу к внутренней жизни, воспринятым через различные аспекты — эпи-

ческий, лирический, комедийно-оптимистический и т. д., иконечный, трайт, определяющий момент — своеобразие новаторских устремлений — это свойства личного таланта, личного темперамента, предельной искренности и субъективной активности художника.

Но при всем многообразии направлений их совместное существование не случайно и подсказано не субъективным произволом, а определенной закономерностью. Можно сказать, что в нашем искусстве работают художники, склонные к формам метафорической образности, или искусства, основанного на приемах позиций русской культуры единого социалистического реализма. Наша законная интересует самобытность линии творчества в Ленинграде Г. Товстогоновым.

Благодаря искусства там большая, чем эстетически развитая восприимчивость его зрителя, тем меньше и ярче художественные переживания зрителя.

Путеводной звездой в этом трудном поиске нового должна служить великий тезис об искусстве, принадлежащем народу, об искусстве, поднявшем народ на формирование личности человека, коммунистического общества. Новаторство нашего искусства — в его партийности и народности, в его использовании лучших достижений прошлого творчества, в его глубочайшем вхождении в духовный мир современного человека, в воинственной направленности против всего, что мешает нашему движению вперед.

На наших глазах совершаются замечательные динамические процессы развития и совершенствования социалистического

Художественные устремления порождают великий тезис об искусстве, принадлежащем народу, об искусстве, поднявшем народ на формирование личности человека, коммунистического общества. Новаторство нашего искусства — в его партийности и народности, в его использовании лучших достижений прошлого творчества, в его глубочайшем вхождении в духовный мир современного человека, в воинственной направленности против всего, что мешает нашему движению вперед.

ВОСПИТАНИЕ КОМПОЗИТОРА

Кара КАРАЕВ,
народный артист СССР,
профессор

шай студентов необходимыми знаниями, они подчас все же не затрагивают их творческого, художественного мировоззрения так глубоко, и принципиально, чтобы помочь устранению ошибочных эстетических и профессиональных тенденций.

Общественность консерваторий порой не находит форм и средств чистого, но решительного подтверждения подобных «инспирированных» и «необязательных», кластеров, между ними и преподавателями: не всегда правильно раскрывать подлинное творческое лицо студента. Вместе с тем по некоторым профессиональным признакам он уже «утвержден» в ранге композитора. И тут необходимы огромные внимание и чуткость педагога, который как бы «одну», по мелким, иногда, казалось бы, несущественным деталям и чертам стремится разгадать особенности музыкальной природы будущего художника.

Нередко я сталкивался с идеями, которых на первый взгляд может показаться парадоксальным: неосознанные творческие стремления, безотчетное проявление индивидуальных склонностей находили свое проявление в этюдах «юношеского радикализма» и «нигилизме», подчас свойственных молодости. Незадолго позже эти же склонности, именуемые «лечебной музыкой», вновь становились причиной недовольства.

Когда же мне в классе приходит юноша, мироощущение и мировоззрение которого еще не определились, и не сформировались, который на словах легко широкоречив, в величине задоровья искусства, не умеет раскрыть перед ними романтику наших дней, воспитать широту мышления на действительность. Разработав в этом же самом классе, скажу, что куда интереснее порой воспитывать «инспирированных», «необязательных», бросающихся из-под склонов горы педагогов.

Когда же мне в классе приходит юноша, мироощущение и мировоззрение которого еще не определились, и не сформировались, который на словах легко широкоречив, в величине задоровья искусства, не умеет раскрыть перед ними романтику наших дней, воспитать широту мышления на действительность. Разработав в этом же самом классе, скажу, что куда интереснее порой воспитывать «инспирированных», «необязательных», бросающихся из-под склонов горы педагогов.

Когда же мне в классе приходит юноша, мироощущение и мировоззрение которого еще не определились, и не сформировались, который на словах легко широкоречив, в величине задоровья искусства, не умеет раскрыть перед ними романтику наших дней, воспитать широту мышления на действительность. Разработав в этом же самом классе, скажу, что куда интереснее порой воспитывать «инспирированных», «необязательных», бросающихся из-под склонов горы педагогов.

Когда же мне в классе приходит юноша, мироощущение и мировоззрение которого еще не определились, и не сформировались, который на словах легко широкоречив, в величине задоровья искусства, не умеет раскрыть перед ними романтику наших дней, воспитать широту мышления на действительность. Разработав в этом же самом классе, скажу, что куда интереснее порой воспитывать «инспирированных», «необязательных», бросающихся из-под склонов горы педагогов.

Когда же мне в классе приходит юноша, мироощущение и мировоззрение которого еще не определились, и не сформировались, который на словах легко широкоречив, в величине задоровья искусства, не умеет раскрыть перед ними романтику наших дней, воспитать широту мышления на действительность. Разработав в этом же самом классе, скажу, что куда интереснее порой воспитывать «инспирированных», «необязательных», бросающихся из-под склонов горы педагогов.

Когда же мне в классе приходит юноша, мироощущение и мировоззрение которого еще не определились, и не сформировались, который на словах легко широкоречив, в величине задоровья искусства, не умеет раскрыть перед ними романтику наших дней, воспитать широту мышления на действительность. Разработав в этом же самом классе, скажу, что куда интереснее порой воспитывать «инспирированных», «необязательных», бросающихся из-под склонов горы педагогов.

Когда же мне в классе приходит юноша, мироощущение и мировоззрение которого еще не определились, и не сформировались, который на словах легко широкоречив, в величине задоровья искусства, не умеет раскрыть перед ними романтику наших дней, воспитать широту мышления на действительность. Разработав в этом же самом классе, скажу, что куда интереснее порой воспитывать «инспирированных», «необязательных», бросающихся из-под склонов горы педагогов.

Когда же мне в классе приходит юноша, мироощущение и мировоззрение которого еще не определились, и не сформировались, который на словах легко широкоречив, в величине задоровья искусства, не умеет раскрыть перед ними романтику наших дней, воспитать широту мышления на действительность. Разработав в этом же самом классе, скажу, что куда интереснее порой воспитывать «инспирированных», «необязательных», бросающихся из-под склонов горы педагогов.

Когда же мне в классе приходит юноша, мироощущение и мировоззрение которого еще не определились, и не сформировались, который на словах легко широкоречив, в величине задоровья искусства, не умеет раскрыть перед ними романтику наших дней, воспитать широту мышления на действительность. Разработав в этом же самом классе, скажу, что куда интереснее порой воспитывать «инспирированных», «необязательных», бросающихся из-под склонов горы педагогов.

Когда же мне в классе приходит юноша, мироощущение и мировоззрение которого еще не определились, и не сформировались, который на словах легко широкоречив, в величине задоровья искусства, не умеет раскрыть перед ними романтику наших дней, воспитать широту мышления на действительность. Разработав в этом же самом классе, скажу, что куда интереснее порой воспитывать «инспирированных», «необязательных», бросающихся из-под склонов горы педагогов.

Когда же мне в классе приходит юноша, мироощущение и мировоззрение которого еще не определились, и не сформировались, который на словах легко широкоречив, в величине задоровья искусства, не умеет раскрыть перед ними романтику наших дней, воспитать широту мышления на действительность. Разработав в этом же самом классе, скажу, что куда интереснее порой воспитывать «инспирированных», «необязательных», бросающихся из-под склонов горы педагогов.

Когда же мне в классе приходит юноша, мироощущение и мировоззрение которого еще не определились, и не сформировались, который на словах легко широкоречив, в величине задоровья искусства, не умеет раскрыть перед ними романтику наших дней, воспитать широту мышления на действительность. Разработав в этом же самом классе, скажу, что куда интереснее порой воспитывать «инспирированных», «необязательных», бросающихся из-под склонов горы педагогов.

Когда же мне в классе приходит юноша, мироощущение и мировоззрение которого еще не определились, и не сформировались, который на словах легко широкоречив, в величине задоровья искусства, не умеет раскрыть перед ними романтику наших дней, воспитать широту мышления на действительность. Разработав в этом же самом классе, скажу, что куда интереснее порой воспитывать «инспирированных», «необязательных», бросающихся из-под склонов горы педагогов.

Когда же мне в классе приходит юноша, мироощущение и мировоззрение которого еще не определились, и не сформировались, который на словах легко широкоречив, в величине задоровья искусства, не умеет раскрыть перед ними романтику наших дней, воспитать широту мышления на действительность. Разработав в этом же самом классе, скажу, что куда интереснее порой воспитывать «инспирированных», «необязательных», бросающихся из-под склонов горы педагогов.

Когда же мне в классе приходит юноша, мироощущение и мировоззрение которого еще не определились, и не сформировались, который на словах легко широкоречив, в величине задоровья искусства, не умеет раскрыть перед ними романтику наших дней, воспитать широту мышления на действительность. Разработав в этом же самом классе, скажу, что куда интереснее порой воспитывать «инспирированных», «необязательных», бросающихся из-под склонов горы педагогов.

Когда же мне в классе приходит юноша, мироощущение и мировоззрение которого еще не определились, и не сформировались, который на словах легко широкоречив, в величине задоровья искусства, не умеет раскрыть перед ними романтику наших дней, воспитать широту мышления на действительность. Разработав в этом же самом классе, скажу, что куда интереснее порой воспитывать «инспирированных», «необязательных», бросающихся из-под склонов горы педагогов.

Когда же мне в классе приходит юноша, мироощущение и мировоззрение которого еще не определились, и не сформировались, который на словах легко широкоречив, в величине задоровья искусства, не умеет раскрыть перед ними романтику наших дней, воспитать широту мышления на действительность. Разработав в этом же самом классе, скажу, что куда интереснее порой воспитывать «инспирированных», «необязательных», бросающихся из-под склонов горы педагогов.

Когда же мне в классе приходит юноша, мироощущение и мировоззрение которого еще не определились, и не сформировались, который на словах легко широкоречив, в величине задоровья искусства, не умеет раскрыть перед ними романтику наших дней, воспитать широту мышления на действительность. Разработав в этом же самом классе, скажу, что куда интереснее порой воспитывать «инспирированных», «необязательных», бросающихся из-под склонов горы педагогов.

Когда же мне в классе приходит юноша, мироощущение и мировоззрение которого еще не определились, и не сформировались, который на словах легко широкоречив, в величине задоровья искусства, не умеет раскрыть перед ними романтику наших дней, воспитать широту мышления на действительность. Разработав в этом же самом классе, скажу, что куда интереснее порой воспитывать «инспирированных», «необязательных», бросающихся из-под склонов горы педагогов.

Когда же мне в классе приходит юноша, мироощущение и мировоззрение которого еще не определились, и не сформировались, который на словах легко широкоречив, в величине задоровья искусства, не умеет раскрыть перед ними романтику наших дней, воспитать широту мышления на действительность. Разработав в этом же самом классе, скажу, что куда интереснее порой воспитывать «инспирированных», «необязательных», бросающихся из-под склонов горы педагогов.

Когда же мне в классе приходит юноша, мироощущение и мировоззрение которого еще не определились, и не сформировались, который на словах легко широкоречив, в величине задоровья искусства, не умеет раскрыть перед ними романтику наших дней, воспитать широту мышления на действительность. Разработав в этом же самом классе, скажу, что куда интереснее порой воспитывать «инспирированных», «необязательных», бросающихся из-под склонов горы педагогов.

Когда же мне в классе приходит юноша, мироощущение и мировоззрение которого еще не определились, и не сформировались, который на словах легко широкоречив, в величине задоровья искусства, не умеет раскрыть перед ними романтику наших дней, воспитать широту мышления на действительность. Разработав в этом же самом классе, скажу, что куда интереснее порой воспитывать «инспирированных», «необязательных», бросающихся из-под склонов горы педагогов.

Когда же мне в классе приходит юноша, мироощущение и мировоззрение которого еще не определились, и не сформировались, который на словах легко широкоречив, в величине задоровья искусства, не умеет раскрыть перед ними романтику наших дней, воспитать широту мышления на действительность. Разработав в этом же самом классе, скажу, что куда интереснее порой воспитывать «инспи

В Ленинградском театре юных зрителей состоялась премьера нового спектакля «Планы Пурто-корсара» по пьесе Евгения Мина и Ариады Мининовского. Постановка народного артиста РСФСР Л. Манакерова.

Кубинцы, в борьбе кубинцев за свою свободу и независимость.

На снимке: финальная картина.

Фото В. ФЕДОСЕВА. ТАСС.

ГРИМАСЫ «ДРУЖБЫ»

AМЕРИКА-ХАУС на Харденбергштрассе — дом американской пропаганды в Западном Берлине. Но даже в его залах оккупационные власти США открыли выставку под весьма вызывающим названием: «Американцы в Западном Берлине с 1945 года».

Излишнее напоминание! Жители города не забыли, что оккупация продолжается, что они затянулись сверх меры. Семнадцать лет — куда же больше! Даже в истории древних деспотических государств трудно подыскать аналогичный случай...

Знах, что слова «оккупации», «оккупанты» не пользуются популярностью у местного населения, устроители выставки вычеркнули их со стендов. Вместо них употребляются такие «экзантетические», хев «кособождения», «дружба», «друзья». Под этим соусом и подали всю выставку.

СНОВНЫЕ экспонаты на выставке — фотографии. Ими ушевши все стены. По замыслу американцев, фотографии должны придать выставке характер беспартийной объективности. О чём же они рассказывают?

В центре зала стоит. Он целиком посыпан западноберлинской жизнью американского сержанта Томаса Тумса. Это своего рода гага о солдате оккупационных войск. Сердце 32 года. Он успел побывать в Корее. Долгое время служил в разных гарнизонах, разбросанных в Западной Германии. Затем был переведен в Западный Берлин. Здесь он женился и стал艺术家ным отцом четырех детей.

Устроители выставки рассчитывают, видимо, что посмотрят посетитель на такого сержанта и невольно подумают: ну, каков он оккупант, это же хороший семьянин, добрый, гостеприимный хозяин.

Но... у соседнего стендика посетителя отрезает небольшой листок бумаги. Это памятка, вручаемая каждому американскому солдату, когда он прибывает в западноберлинский гарнизон. Вот же текст:

«Солдат, зачем ты служишь в Западном Берлине?

Затем, чтобы показать, какими лучше солдаты армии США.

Затем, чтобы стать на страже жизни и имущества американских граждан.

Затем, чтобы помочь западноберлинской полиции поддерживать порядок и охранять закон.

Затем, чтобы, если понадобится, дать как дядько за права Соединенных Штатов Америки и свободу Берлина.

Вот она причина пребывания сержанта Тумса в Западном Берлине...

...Военные маневры в Грюневальде — когда-то излюбленном месте отдыха жителей Берлина. На cuales лугу окопалася пехота. Внутри, затянувшись, гранатометчики.

А вот и герой саги — сержант Тумс. В пастроме маскировочной костюма, с пуком зеленых веток на голове и с загнанным лицом. Еще один снимок. Сердце заняло боевую позицию. Куда же дальше добродушный, улыбающийся сержант? Из кустов, настороженно смотрят глаза притянувшегося волка.

ЗАПАДНЫЙ БЕРЛИН.

Сердце, словно тени, бродят по залам, редкие посетители.

Молча рассматривают фотографии. Беззвучно читают подписи к ним. А зеваки осматривают, также молча выходят на улицу. Оно и понятно. Говорить не о чём, да и нечего: по залу, запахи руки за спину, вышагивает вооруженный полицейский. Каждый, входящий в этот зал, ощущает на себе насквозь прошумевший взглядом. Каждая гримаса склоняется в залу фраза насторожившая его.

Признаюсь: мне тоже стало не по себе на этой странной выставке, где главный экспонат — мрачная фигура полицейского. Было осторожнее последней стоянки, я вышел на сажий воздух. И тут мне пришла в голову мысль: дождаться, пока кто-нибудь не выскочит вслед за мной, и спросить его мнение.

Ждать не пришлося. Через несколько минут дверь открылась и высокий, интеллигентного вида мужчина поразился со мной.

— Мон впечатление! — переспросил он. — Странная выставка!

Он помял пальчики и добавил:

— И особенно странно, майнерр, что американцы здесь с 1945 года. Помоему, они слишком эгоистично живут в чужом городе.

Л. БУРНЯШЕВ.

и привлекает внимание редкого посетителя, так это бесформенный кусок бронзы, представляющий собой абстрактную скульптуру.

НЕМЬЕ, словно тени, бродят по залам, редкие посетители.

Молча рассматривают фотографии. Беззвучно читают подписи к ним. А зеваки осматривают, также молча выходят на улицу. Оно и понятно. Говорить не о чём, да и нечего: по залу, запахи руки за спину, вышагивает вооруженный полицейский. Каждый, входящий в этот зал, ощущает на себе насквозь прошумевший взглядом. Каждая гримаса склоняется в залу фраза насторожившая его.

Признаюсь: мне тоже стало не по себе на этой странной выставке, где главный экспонат — мрачная фигура полицейского. Было осторожнее последней стоянки, я вышел на сажий воздух. И тут мне пришла в голову мысль: дождаться, пока кто-нибудь не выскочит вслед за мной, и спросить его мнение.

Ждать не пришлося. Через несколько минут дверь открылась и высокий, интеллигентного вида мужчина поразился со мной.

— Мон впечатление! — переспросил он. — Странная выставка!

Он помял пальчики и добавил:

— И особенно странно, майнерр, что американцы здесь с 1945 года. Помоему, они слишком эгоистично живут в чужом городе.

Л. БУРНЯШЕВ.

и привлекает внимание редкого посетителя, так это бесформенный кусок бронзы, представляющий собой абстрактную скульптуру.

НЕМЬЕ, словно тени, бродят по залам, редкие посетители.

Молча рассматривают фотографии. Беззвучно читают подписи к ним. А зеваки осматривают, также молча выходят на улицу. Оно и понятно. Говорить не о чём, да и нечего: по залу, запахи руки за спину, вышагивает вооруженный полицейский. Каждый, входящий в этот зал, ощущает на себе насквозь прошумевший взглядом. Каждая гримаса склоняется в залу фраза насторожившая его.

Признаюсь: мне тоже стало не по себе на этой странной выставке, где главный экспонат — мрачная фигура полицейского. Было осторожнее последней стоянки, я вышел на сажий воздух. И тут мне пришла в голову мысль: дождаться, пока кто-нибудь не выскочит вслед за мной, и спросить его мнение.

Ждать не пришлося. Через несколько минут дверь открылась и высокий, интеллигентного вида мужчина поразился со мной.

— Мон впечатление! — переспросил он. — Странная выставка!

Он помял пальчики и добавил:

— И особенно странно, майнерр, что американцы здесь с 1945 года. Помоему, они слишком эгоистично живут в чужом городе.

Л. БУРНЯШЕВ.

и привлекает внимание редкого посетителя, так это бесформенный кусок бронзы, представляющий собой абстрактную скульптуру.

НЕМЬЕ, словно тени, бродят по залам, редкие посетители.

Молча рассматривают фотографии. Беззвучно читают подписи к ним. А зеваки осматривают, также молча выходят на улицу. Оно и понятно. Говорить не о чём, да и нечего: по залу, запахи руки за спину, вышагивает вооруженный полицейский. Каждый, входящий в этот зал, ощущает на себе насквозь прошумевший взглядом. Каждая гримаса склоняется в залу фраза насторожившая его.

Признаюсь: мне тоже стало не по себе на этой странной выставке, где главный экспонат — мрачная фигура полицейского. Было осторожнее последней стоянки, я вышел на сажий воздух. И тут мне пришла в голову мысль: дождаться, пока кто-нибудь не выскочит вслед за мной, и спросить его мнение.

Ждать не пришлося. Через несколько минут дверь открылась и высокий, интеллигентного вида мужчина поразился со мной.

— Мон впечатление! — переспросил он. — Странная выставка!

Он помял пальчики и добавил:

— И особенно странно, майнерр, что американцы здесь с 1945 года. Помоему, они слишком эгоистично живут в чужом городе.

Л. БУРНЯШЕВ.

и привлекает внимание редкого посетителя, так это бесформенный кусок бронзы, представляющий собой абстрактную скульптуру.

НЕМЬЕ, словно тени, бродят по залам, редкие посетители.

Молча рассматривают фотографии. Беззвучно читают подписи к ним. А зеваки осматривают, также молча выходят на улицу. Оно и понятно. Говорить не о чём, да и нечего: по залу, запахи руки за спину, вышагивает вооруженный полицейский. Каждый, входящий в этот зал, ощущает на себе насквозь прошумевший взглядом. Каждая гримаса склоняется в залу фраза насторожившая его.

Признаюсь: мне тоже стало не по себе на этой странной выставке, где главный экспонат — мрачная фигура полицейского. Было осторожнее последней стоянки, я вышел на сажий воздух. И тут мне пришла в голову мысль: дождаться, пока кто-нибудь не выскочит вслед за мной, и спросить его мнение.

Ждать не пришлося. Через несколько минут дверь открылась и высокий, интеллигентного вида мужчина поразился со мной.

— Мон впечатление! — переспросил он. — Странная выставка!

Он помял пальчики и добавил:

— И особенно странно, майнерр, что американцы здесь с 1945 года. Помоему, они слишком эгоистично живут в чужом городе.

Л. БУРНЯШЕВ.

и привлекает внимание редкого посетителя, так это бесформенный кусок бронзы, представляющий собой абстрактную скульптуру.

НЕМЬЕ, словно тени, бродят по залам, редкие посетители.

Молча рассматривают фотографии. Беззвучно читают подписи к ним. А зеваки осматривают, также молча выходят на улицу. Оно и понятно. Говорить не о чём, да и нечего: по залу, запахи руки за спину, вышагивает вооруженный полицейский. Каждый, входящий в этот зал, ощущает на себе насквозь прошумевший взглядом. Каждая гримаса склоняется в залу фраза насторожившая его.

Признаюсь: мне тоже стало не по себе на этой странной выставке, где главный экспонат — мрачная фигура полицейского. Было осторожнее последней стоянки, я вышел на сажий воздух. И тут мне пришла в голову мысль: дождаться, пока кто-нибудь не выскочит вслед за мной, и спросить его мнение.

Ждать не пришлося. Через несколько минут дверь открылась и высокий, интеллигентного вида мужчина поразился со мной.

— Мон впечатление! — переспросил он. — Странная выставка!

Он помял пальчики и добавил:

— И особенно странно, майнерр, что американцы здесь с 1945 года. Помоему, они слишком эгоистично живут в чужом городе.

Л. БУРНЯШЕВ.

и привлекает внимание редкого посетителя, так это бесформенный кусок бронзы, представляющий собой абстрактную скульптуру.

НЕМЬЕ, словно тени, бродят по залам, редкие посетители.

Молча рассматривают фотографии. Беззвучно читают подписи к ним. А зеваки осматривают, также молча выходят на улицу. Оно и понятно. Говорить не о чём, да и нечего: по залу, запахи руки за спину, вышагивает вооруженный полицейский. Каждый, входящий в этот зал, ощущает на себе насквозь прошумевший взглядом. Каждая гримаса склоняется в залу фраза насторожившая его.

Признаюсь: мне тоже стало не по себе на этой странной выставке, где главный экспонат — мрачная фигура полицейского. Было осторожнее последней стоянки, я вышел на сажий воздух. И тут мне пришла в голову мысль: дождаться, пока кто-нибудь не выскочит вслед за мной, и спросить его мнение.

Ждать не пришлося. Через несколько минут дверь открылась и высокий, интеллигентного вида мужчина поразился со мной.

— Мон впечатление! — переспросил он. — Странная выставка!

Он помял пальчики и добавил:

— И особенно странно, майнерр, что американцы здесь с 1945 года. Помоему, они слишком эгоистично живут в чужом городе.

Л. БУРНЯШЕВ.

и привлекает внимание редкого посетителя, так это бесформенный кусок бронзы, представляющий собой абстрактную скульптуру.

НЕМЬЕ, словно тени, бродят по залам, редкие посетители.

Молча рассматривают фотографии. Беззвучно читают подписи к ним. А зеваки осматривают, также молча выходят на улицу. Оно и понятно. Говорить не о чём, да и нечего: по залу, запахи руки за спину, вышагивает вооруженный полицейский. Каждый, входящий в этот зал, ощущает на себе насквозь прошумевший взглядом. Каждая гримаса склоняется в залу фраза насторожившая его.

Признаюсь: мне тоже стало не по себе на этой странной выставке, где главный экспонат — мрачная фигура полицейского. Было осторожнее последней стоянки, я вышел на сажий воздух. И тут мне пришла в голову мысль: дождаться, пока кто-нибудь не выскочит вслед за мной, и спросить его мнение.

Ждать не пришлося. Через несколько минут дверь открылась и высокий, интеллигентного вида мужчина поразился со мной.

— Мон впечатление! — переспросил он. — Странная выставка!

Он помял пальчики и добавил:

— И особенно странно, майнерр, что американцы здесь с 1945 года. Помоему, они слишком эгоистично живут в чужом городе.

Л. БУРНЯШЕВ.

и привлекает внимание